

Уважаемые коллеги, тема Северного Кавказа была последней темой, которую предложил разрабатывать в рамках института Егор Тимурович [Гайдар], поэтому Гайдаровские чтения стали первой площадкой, на которой мы представляли результаты наших полуторалетних исследований. Мы всерьез подошли к подготовке чтений, они продолжались практически два дня. До официального дня чтений мы еще провели предварительный семинар, на котором обсудили практические рекомендации, которые мы предлагаем в нашем исследовании.

Нужно сказать, что наше исследование не соответствовало тому критерию, о котором говорил Владимир Александрович [Мау], а именно, что экономисты должны действовать в контексте и вырабатывать рекомендации во взаимодействии с органами власти. Мы действовали не в контексте, потому что, честно говоря, контекст нам очень не нравился. Поэтому за полтора года нашей работы мы ни разу не пересеклись с хлопнинской командой [А.Г. Хлопонин – полномочный представитель Президента в Северо-Кавказском федеральном округе], и первое публичное пересечение состоялось как раз на Гайдаровских чтениях – у нас была возможность поdiskутить с ведущими представителями администрации СКФО.

В чем состояло исследование. Мы пытались понять потенциал модернизации Северного Кавказа и те меры, которые реально могли бы способствовать развитию данных процессов. В первую очередь, нам удалось поработать в Кабардино-Балкарии, республике Дагестан, мы немножко затронули Карачаево-Черкессию и Северную Осетию, мы еще не приступали к Чечне и Ингушетии. То, что работа оказалась настолько трудоемкой, было связано с той методологией, которую мы использовали, потому что изучать Кавказ очень сложно: статистика, по общему экспертному мнению, недостоверна в принципе, а если опираться на мнение региональных элит, то ясно, что это мнение формируется их собственными интересами. Поэтому мы выбрали, наверное, самый трудоемкий, но наиболее достоверный вариант методологии. Мы ездили по Северному Кавказу, мы жили на самых разных территориях – в городах, селах, на равнине, в горах, и мы разговаривали с людьми. У нас сейчас в активе около 1000 самых разных интервью – с фермерами, учителями, врачами. У нас проведено очень интересное исследование позиции студентов Дагестанского государственного университета, это отдельный пласт исследования. Выводы, о которых я буду говорить, основаны на подобных источниках.

Мы попытались критически посмотреть на стратегию социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа, на тот самый контекст с двух точек зрения: с точки зрения поставленного диагноза и с точки зрения того лечения, которое в стратегии предлагается. Что говорит стратегия? Северный Кавказ – территория отсталая, депрессивная, с высокой безработицей и очень низкими доходами населения. Единственный способ что-то хорошее сделать для этих несчастных людей – это любым путем притащить туда инвесторов, при максимально благоприятных условиях, при максимальной государственной поддержке. Идеология практически как калька повторяет идеологию модернизации 1930-х годов: модернизация сверху, максимальная концентрация ресурсов в центре, выбор победителей властью и т.д. Все то же самое.

Если диагноз правильный, то, может быть, других вариантов и нет. Поэтому сначала мы попытались посмотреть, насколько правильный диагноз. Наши исследования показали, что, с нашей точки зрения, диагноз абсолютно неправильный. Я отмечу всего три момента, их, на самом деле, гораздо больше.

Момент первый: говорить о том, что Северный Кавказ – это застойное традиционное общество, – сложно найти что-либо более далекое от реальности. Северный Кавказ – это общество на переломе, причем это тот перелом, который переживало практически любое общество, и связан он с активными процессами урбанизации, которые в ряде регионов Северного Кавказа сопровождаются также

завершением процесса перетекания горцев на равнину. Именно такие тектонические сдвиги, связанные с перемещением населения, и формируют тот основной контекст, в котором должны проводиться преобразования. Если мы посмотрим на историю, то увидим, что это абсолютно непредсказуемый период в жизни любого общества. Он может сопровождаться всплесками модернизации и резким ускорением экономического роста, кровавыми социальными столкновениями и беспорядками, он может сопровождаться и тем и другим, перемежающимся в том или ином порядке. И когда мы говорим о процессах на Кавказе, мы должны понимать, что это именно такой сложный этап.

Второй момент: представление о том, что на Кавказе нет источников внутренних накоплений и поэтому деньги могут прийти только извне, совершенно неправильно. Мы попытались оценить, как это и принято в международном сообществе, доходы через расходы. Структура расходов совершенно четко показывает, что реально накопления есть. В ходе дискуссии нам привели аргумент, что вклады в банки здесь гораздо меньше, чем в других регионах. Но я думаю, что для всех людей, которые бывали на Кавказе и видели местные дома, совершенно понятно, куда идут основные накопления. То есть проблема не в том, что накоплений нет, проблема в том, что нет стимулов для их производительного использования. Поэтому они используются непроизводительно – вкладываются в недвижимость, свадьбы, похороны и т.д.

Третий момент: представление о том, что на Кавказе не идет модернизация, тоже неправильно. Модернизация на Кавказе идет, причем модернизационных проектов становится все больше. Мы видели интереснейшие проекты. Очень современные проекты в сфере сельского хозяйства, которые организуются с участием международных специалистов – из Новой Зеландии, Голландии, откуда угодно. Очень интересные проекты в сфере промышленности, когда люди чувствуют себя частью глобальной экономики и обсуждают вопросы о том, что, вот, французы не поставляют в сроки оборудование, поэтому переключиться надо на кого-то другого.

Для человека, изучающего эту ситуацию, совершенно очевидно, что на пути реализации этих проектов есть очень серьезные барьеры. Это барьеры институционального характера. В первый день предварительных чтений мы провели блиц-опрос. Мы попросили каждого из участников назвать от одного до трех факторов, сдерживающих модернизацию на Северном Кавказе. Должна сказать вам честно и откровенно: про недостаток инвестиций не сказал ни один человек. Клановость, коррупция, очень низкое качество человеческого капитала – но это те же институты, потому что все, кто хоть что-то могут, оттуда уезжают. Идет отбор худших, соответственно, институциональная среда не позволяет повышать качество человеческого капитала.

Если мы посмотрим на эту гораздо более сложную, противоречивую и комплексную картину, чем та, которая представлена в стратегии, с точки зрения тех мер, которые предлагаются, мы увидим, что стратегия несет в себе очень большие риски. И первый, абсолютно очевидный риск: когда вбрасываются большие деньги на коррупционный рынок, повышается коррупционная надбавка, причем не только для инвесторов, но для всех. Мой прогноз: если подобные проекты начнут осуществляться, масштабы коррупции возрастут.

Второй момент: когда вы выбираете победителей, поддерживаете их в таких гигантских масштабах, как это предполагается, вы подписываете приговор побежденным для всех тех модернизаторов, для всех тех ростков модернизации, которые существуют сейчас реально. Потому что если вы даете 70%-ную гарантию под проект, не требуя залога, то вы уже не найдете других, кто бы мог конкурировать с такими условиями. То есть мы создаем очень серьезные риски для той модернизации, которая идет снизу, для тех людей, которые уже реально показали свою способность

адаптироваться в очень враждебной для модернизации среде, и мы вполне можем эти ростки загубить.

Третий риск, который просматривается, – загубив эти ростки, мы можем не получить модернизационного эффекта за счет тех крупных проектов, которые предполагаются, потому что, когда вы отбираете победителей по нерыночным критериям и связываетесь с ними перспективой модернизационного прорыва, у вас очень сильно завышенные ожидания от подобных проектов. Далеко не всегда эти ожидания соответствуют действительности.

Чтобы не быть голословной, приведу один очень показательный пример. Единственным проектом по Северному Кавказу, который имеет более или менее четкие очертания, является так называемый горнолыжный кластер. Для меня остается загадкой, почему кластером называется строительство пяти однотипных курортов на разных территориях, но это не основная проблема с этим проектом. Предполагается, что из пяти курортов 4 будут в СКФО. В одном месте, где предполагается лыжный курорт, довольно редко бывает снег. Во всяком случае, мои коллеги по данному исследованию ездили там среди зимы на джипах по траве. Во втором месте снег бывает, но погодные условия, ветра таковы, что снег сдувается до состояния, когда на лыжах ездить невозможно, и, насколько я знаю, французы уже дали оценку, что в этом месте устроить горнолыжный курорт нельзя. В третьем месте есть снег и нет ветров, но там другая проблема – это пограничная зона и туда не пускают людей. Я ничего не утрирую, это на самом деле так.

Предположим, что в четвертом месте, где этих серьезных проблем нет, горнолыжный курорт построен. Что тогда случится? На Кавказе сейчас есть два центра горнолыжного отдыха, уже традиционные, имеющие бренд, которые все знают – Приэльбрусье и Домбай. Мы были на этих территориях, мы их достаточно подробно анализировали. Это реально растущие территории. Приэльбрусье выросло от уровня вагончиков до уровня трехзвездочных гостиниц с бесплатным *wi-fi*'ем, с очень приличным уровнем обслуживания. Там масса проблем, но это реальные точки роста. Предположим, что в Архызе, который единственный из этих четырех замечательных проектов не имеет уж совсем детерминирующих для его реализации условий, будет построен такой горнолыжный курорт, который предполагается. Совершенно очевидно, что наиболее платежеспособная часть туристов, которые сейчас отдыхают в Домбае и Приэльбрусье, уедут туда, качество там будет выше. Домбай и Приэльбрусье, уже сложившиеся бренды, не будут иметь перспектив. В них деньги никто вкладывать не собирается, хотя там масса инфраструктурных ограничений, развязка которых позволила бы и улучшить качество, и повысить вместимость курорта. Соответственно, мы их обрекли на прозябание.

Будут ли при этом развиваться Архыз и другие курорты – большой вопрос, потому что реальный спрос на подобные услуги никто не оценивал. Вполне вероятно, что туда перетечет часть из 12-14 тыс. горнолыжников (это примерно ежедневная вместимость Домбая и Приэльбрусья вместе в пик сезона), но для Архыза это будет мало. Мы загубим уже существующие растущие центры и новый созданный центр поставим в ситуацию, когда одним единственным вариантом будет проедание активов. В общем, не очень приятная перспектива, но вполне реальная.

Мы попытались сформулировать набор альтернативных предложений. Сразу хочу сказать, что первый тезис, из которого мы исходили, – это то, что наши возможности влиять на ситуацию достаточно ограничены. Если мы будем выходить за эти ограниченные возможности, то в лучшем случае мы бессмысленно потратим деньги, а в худшем случае – достаточно серьезно навредим ситуации. Поэтому мы исходили из принципа «не навреди». Очень тезисно, что мы предложили.

Во-первых, отказ от особых мер поддержки новых крупных проектов, которые еще себя не зарекомендовали. С нашей точки зрения, риски явно превышают тот позитивный потенциал, который может быть получен. Во-вторых, доведение до конца земельной реформы. В большинстве северокавказских республик запрещена приватизация земли. То, что это позиция элит, а не объективная проблема, показывает хотя бы то, что в Карачаево-Черкессии приватизация проведена и, похоже, ситуация много лучше, хотя это требует дополнительного исследования. Возможность реального улучшения институциональной ситуации была бы, наверное, действительно позитивной. Поддержка кооперации, чтобы распределение земли шло не очень резко и не вызвало дополнительного социального напряжения. Если поддерживать какие-либо проекты финансово, то, в первую очередь, инфраструктурные, развязывающие уже существующие ограничения модернизации там, где она идет. И не отдельных бизнесов, а сообществ, потому что все эти территории развиваются именно как сообщества, а сообщество там является реальной силой, и поддержка сообществ позволит, с одной стороны, ограничить аппетиты на мегапроекты, которые могут ничего не дать, а с другой – снизить коррупционную надбавку.

И вопрос, который очень сложно решать и который является центральным, на него стратегия, скорее всего, дает ответ, но неправильный, и, пожалуй, мы тоже пока не готовы дать на него ответ. Наиболее взрывоопасным слоем является городская молодежь в первом поколении. Это люди, которые оторвались от корней, от традиций, которые себя уже противопоставляют традициям, но для которых город еще чужая среда, они не приняли систему городских ценностей. Это типичная история с урбанизацией. Что делать с этой молодежью, понять очень сложно. Идея стратегии строить в городах промышленные предприятия, с моей точки зрения, по меньшей мере, спорна, потому что молодежь-то вся с высшим образованием. Проблема не столько в безработице, сколько в отсутствии социальных лифтов, и будут ли молодые воспринимать возможность работать на промышленных предприятиях как новую возможность или как еще большее ограничение, с точки зрения социальных лифтов, – большой вопрос.

Мы думаем, что нужно посмотреть, каким образом можно влиять на их ценностный выбор, не детерминируя его, а давая им больше вариантов. Я понимаю, что это очень абстрактная идея, но у нас есть целый набор конкретных проектов, которые можно было бы предложить под эту идею и которые мы, наверное, будем прорабатывать.

Если оценивать результаты обсуждения, то, я бы сказала, оно принесло две новости: хорошую и плохую. Хорошая новость состояла в том, что, похоже, представители СКФО нас услышали. Во всяком случае, один из заместителей Хлопонина провел с нами оба дня, был и на предварительном семинаре, и на основных слушаньях, очень активно участвовал в дискуссии и по итогам сказал, что согласен с очень многими вещами. Это позитивно, потому что диалог должен быть, существовать совсем вне контекста невозможно. Плохая новость состояла в том, что, похоже, представители северокавказских республик (у нас не было совсем представителей официальных элит, у нас были журналисты, общественные деятели, предприниматели) не очень готовы идти на текущие компромиссы ради долговременного эффекта. То есть в системе существуют очень сильные стимулы для того, чтобы люди стояли на своих достаточно догматических позициях, несмотря на то, что они прекрасно понимают, что эти позиции перекрывают будущее.

Последнее, что бы мне хотелось сказать. Ясно, что можно расширять наши исследования географически, надо делать Чечню и Ингушетию, надо смотреть более подробно Северную Осетию, особенно Карачаево-Черкессию. Есть отдельные вопросы, которые надо прорабатывать, но я об этом сейчас говорить не буду. Я скажу о тех

принципиальных интеллектуальных вызовах, которые поставило перед нами изучение проблем Северного Кавказа за эти полтора года.

Вопрос первый: когда мы говорим о том, что клановость, коррупция мешают модернизации, – это лукавство, потому что в «азиатских тиграх» это мешало, наверное, но не препятствовало, полностью не перекрывало кислород. В Китае тоже это, вроде, кислород не перекрывает, Италия каким-то образом развивается в условиях клановости и коррупции. То есть мы говорим о том, что это детерминирующий фактор, только если мы признаем, что есть одна единственная европейская модель цивилизации и других моделей нет. На самом деле это не так. Это тоже предмет довольно серьезных дискуссий в международной научной литературе. Но тогда нужно понять, почему в каких-то странах эти факторы не мешают развитию процесса, а в каких-то мешают. Я вижу в этом один из серьезнейших интеллектуальных вызовов, которые работа перед нами поставила. Второй момент, связанный с первым: процесс урбанизации, я уже сказала, где-то приводит и приводит к взрывному экономическому росту, где-то не приводит. Какие факторы тут являются принципиальными, и какие условия определяют ту или иную развилку? Мне кажется, что это два принципиально важных вопроса, на которых был бы смысл сконцентрироваться, изучая проблемы Северного Кавказа и формируя практическую повестку дня в этой сфере.

Спасибо большое.